

Мне было двенадцать, когда в Пекине одна за другой разразились метели. Стояли лютые холода, и вся столица превратилась в ледяное безмолвие. Моя мать, госпожа Лю, чье здоровье и без того было слабым, слегла с тяжелым недугом и вскоре скончалась. Весь наш дом погрузился в безутешную скорбь.

Я, облаченный в траурные одежды, с белой повязкой на голове, стоял на коленях перед гробом матери, не в силах остановить слезы. Отец был занят приемом гостей, пришедших выразить соболезнования. Мой старший брат, Ли Чанпин, опасаясь, что от горя я совсем изведусь, велел мне идти отдыхать и наказал нашей кормилице Цинь-эр принести мне миску горячей каши из красных бобов и семян ивовых слез.

Цинь-эр была сиротой, которую взяли в наш дом еще ребенком; она была старше меня на восемь лет. Она всегда носила простую одежду, лицо ее было лишено прикрас, но в глазах неизменно светилась бесконечная доброта. Она с малых лет прислуживала матери и мне, окружая меня самой чуткой заботой. В моем сердце она давно стала родной сестрой — надежной и любящей.

Вдруг у входа раздался громкий голос привратника:

— Господин Мэнцюань с семейством прибыли!

Этого господина Мэнцюаня звали Юэ Чжэнь. Он служил в министерстве ритуалов и был давним и близким другом моего отца. Зная, как тяжело тому сейчас, он подошел и принялся утешать его добрыми словами. В этот раз он приехал с женой и дочерью. После окончания поминальной службы дамы прошли во внутренние покои, чтобы утешить женщин нашего дома.

Я сидел, опустив голову и попивая кашу, когда кто-то легонько коснулся моего плеча. Обернувшись, я увидел девочку лет десяти. У нее было нежное, миловидное лицо, и она с любопытством разглядывала меня своими большими влажными глазами.

— Ты кто? — спросил я.

— Я приехала с папой, — она указала маленькой ладошкой в сторону вестибюля.

— Ты дочь дяди Юэ?

Девочка улыбнулась и кивнула.

— Как тебя зовут?

— Юэ Дэфан. А тебя?

— Ли Чанъань.

— Ты уже учишься?

Я кивнул:

— Да, хожу в школу при академии. А ты?

— Я не хожу в школу, мама учит меня грамоте дома. Можно мне посмотреть, что ты читаешь?

— она лучезарно улыбнулась.

— Конечно!

Я поспешно доел кашу и, взяв ее за руку, повел в кабинет. Юэ Дэфан смотрела на мои книги так, словно была ими заморожена. Она бережно перелистывала страницы, внимательно вглядываясь в строки, и, натыкаясь на незнакомые иероглифы, дергала меня за рукав, тихо спрашивая об их значении. Немного почитав, она попросила научить ее писать. Девочка с таким прилежанием слушала мои наставления о том, как держать кисть и копировать прописи, что это не могло не вызвать симпатии. Вскоре мы стали неразлучными друзьями.

Когда траур по матери закончился, жизнь вошла в привычную колею, и я, как прежде, стал каждый день ходить на занятия. Однажды Юэ Дэфан прибежала ко мне поиграть. Цинь-эр смотрела на нас с нежностью, достала из кармана несколько медных монет и, смеясь, сказала:

— Ступайте, купите на улице сахарных лепешек, побалуйте себя.

Я был вне себя от радости. Схватив Юэ Дэфан за руку, мы, словно пара резвых оленят, выскочили за ворота. Вскоре на шумном рынке мы заметили лоток с сахарными лепешками. Но у прилавка разыгрывалась сцена: торговец яростно спорил с каким-то юношей.

— Как же вы, почтенный, слова своего не держите? — возмущенно гремел паренек. — Вы же сами обещали: за каждую отгаданную пару строк — лепешка. Я отгадал восемь, значит, будьте добры, выдайте восемь лепешек! Чего же вы теперь юлите?

Торговец скривил губы и насмешливо бросил:

— Эй, юный господин, у меня дело мелкое, торговля грошовая. Если я каждому по восемь штук отдам, мне что, лавочку закрывать?

— У вас же на вывеске ясно написано: одна строка — одна лепешка! Я лишнего не прошу. Люди добрые, рассудите, кто из нас прав?

Крик юноши привлек толпу. Зеваки окружили их, перешептываясь и указывая пальцами. Торговец, зажатый в угол, крепя сердце, вытащил из-под прилавка огромную лепешку. Она была круглой, диаметром в фут и толщиной в два дюйма.

— Раз уж тебе так нужны восемь штук, — проворчал он, — ладно. Если сможешь разрезать эту лепешку на восемь равных частей всего за три взмаха ножом — забирай всё себе.

Юноша взглянул на лепешку, усмехнулся и беззаботно ответил:

— И только-то?

Он потянулся за ножом, но торговец, проворно перехватив его руку, воскликнул:

— Погоди! Резать можно только три раза, ни одним взмахом больше!

Толпа ахнула:

— Три взмаха — восемь кусков? Да как это возможно? Даже при трех разрезах больше шести кусков не получится!

Юноша не растерялся. Слегка наклонив голову, он на мгновение задумался, а затем уверенно произнес:

— По рукам. Три взмаха так три взмаха!

Я наблюдал за происходящим, и глаза мои загорелись. Да это же тот самый вундеркинд, которого в Академии Ханьлинь недавно рекомендовали первому советнику Гу Сяню! Не в силах сдерживать любопытство, я потянул Юэ Дэфан вперед, чтобы увидеть, какой же хитроумный способ он придумает.

Юноша действовал не спеша. Сначала он сделал горизонтальный разрез, затем вертикальный — в мгновение ока лепешка разделилась на четыре части. Но как быть с третьим взмахом? Толпа затаила дыхание, не отрывая глаз от ножа. И тут юноша повернул кисть, положил лезвие плашмя и на высоте одного дюйма провел горизонтальный разрез прямо посередине.

Вот это да! Ровно три взмаха — и лепешка оказалась разделена на восемь идеально равных частей. Вокруг послышались восторженные возгласы:

— Ишь ты, вот оно как! Какой смысленный паренек!

Торговец стоял с таким видом, будто проглотил горькую пилюлю, но слово свое сдержал и неохотно отдал лепешку. Юноша же проявил великодушие: с сияющей улыбкой он раздал кусочки детям, стоявшим вокруг. Когда очередь дошла до нас с Юэ Дэфан, он протянул лепешки и нам.

Я с благодарностью принял угощение и похвалил его:

— Ловко ты его прищучил! И правда, задачка была не из легких. Как тебя зовут?

Юноша сложил руки в приветственном жесте и громко ответил:

— Моя фамилия Чэн, имя Янь, второе имя Мэнхуэй, родом из Сюнина. А как величать тебя, брат?

— Меня зовут Ли Чанъань...

Я не успел договорить, как нас прервал тревожный крик:

— Молодой господин! Ну наконец-то я вас нашел!

К нам, запыхавшись, подбежал мальчик-слуга:

— Скорее домой, господин отец вас уже обыскался!

Чэн Янь виновато улыбнулся мне:

— Отец зовет. Ешьте на здоровье, а мне пора. До встречи!

— До встречи, Чэн Мэнхуэй.

Я долго смотрел вслед его удаляющейся фигуре, пока он не скрылся в толпе. На душе почему-то стало пусто, и я с грустью подумал: доведется ли нам еще когда-нибудь встретиться?

<http://bllate.org/book/20746/2079819>